

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе и развитию
интеллектуального потенциала ФГБОУ ВО

«Пятигорский государственный
университет», профессор

 З.А. Заврумов

«15» июня 2021 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пятигорский государственный университет» о диссертации КИСЛИЦЫНОЙ Натальи Николаевны «КОНЦЕПЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОННОТОЛОГИИ (КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка (Симферополь, 2021, 461 с.)

При всей кажущейся простоте коннотативное значение, которое, казалось бы, противопоставлено значению денотативному, основывается на индивидуальной и / или коллективной оценке свойств и характерных особенностей феноменов, репрезентируемых языковыми знаками, необязательно присутствует в семантической структуре лексической единицы, крайне сложно поддается точному и недвусмысленному дефинированию в терминах лингвистики. Если же попытаться по-настоящему глубоко вникнуть в суть того, что представляет собой коннотативное значение, то взгляду исследователя открывается такая бездна

понятийных противоречий, логических пересечений, неоднозначных трактовок, что невозможно не согласиться с мыслью, которую высказывает на *стр. 48* рецензируемого труда Н.Н. Кислицына: «Потребовались годы исследований, перенесение коннотации как объекта или предмета исследований в сферу иных наук, чтобы приблизиться к пониманию сущности феномена коннотации».

Именно тот факт, что лингвистика все еще находится лишь на пути к пониманию того, что представляет собой феномен коннотации, как нам представляется, и лежит в основе **актуальности** диссертационного исследования Н.Н. Кислицыной. С этой точки зрения совершенно очевидно, что без глубокого проникновения в сущность коннотации не может быть окончательно решена еще одна важнейшая проблема науки о языке – проблема выработки единой и непротиворечивой концепции значения. Действительно, отсутствие комплексной теории коннотативного значения, позволяющей снять существенные расхождения в трактовке данного феномена в рамках лингвистики и смежных исследовательских областей, препятствует созданию комплексной теории значения, ибо ясно, что отсутствие единства в трактовке одного из важнейших компонентов ведет к отсутствию единства в трактовке целого. Чрезвычайно значимым для теории языка в данном отношении представляется исходный методологический принцип, на основе которого строятся дальнейшие рассуждения диссертанта: это принцип конвергенции, «позволяющий выйти за пределы системы координат, задаваемой языковой системой», и дающий возможность вовлечь в сферу анализа нелингвистические факторы, очевидно влияющие «на возникновение и актуализацию коннотативного значения» (*стр. 7-8 введения*).

Теория лингвистической коннотологии разворачивается в диссертации Н.Н. Кислицыной в лучших традициях презентации и обоснования научной теории. В первой главе автор достаточно успешно доказывает междисциплинарный, многоаспектный характер коннотации как явления, репрезентируемого средствами языка и речи, но на глубинном уровне

обладающего множеством особенностей, проистекающих из сложнейшей природы человека как субъекта воспринимающего, осмысливающего, оценивающего, эволюционирующего, как носителя коллективно вырабатываемых, сохраняемых и транслируемых культурных установок, детерминированных социальной принадлежностью и одновременно преломляемых на индивидуальном уровне. В этом русле диссертант совершенно обоснованно выводит изучение коннотации на пересечение целого ряда наук и научных направлений: логики и философии, психологии, социолингвистики, антрополоингвистики, когнитивной лингвистики и нейролингвистики, психолингвистики, дискурсологии и прагмалингвистики. Результатом подобного комплексного анализа множества подходов и трактовок стала своеобразная матрица, в которой отразились значимые характеристики коннотации, акцентируемые в рамках различных областей знания. Это, безусловно, сложнейший, но очень важный исследовательский шаг, демонстрирующий широкую научную эрудицию и неординарные аналитические способности диссертанта. В получившейся матрице обобщены сущностные свойства коннотации, которые в дальнейшем сформировали базис для ее системной теоретизации.

Вторая глава работы в значительной степени посвящена очерчиванию круга кросс-корреляционных отношений понятия «коннотация» со смежными ему понятиями «внутренняя форма слова», «метафорическое значение», «ассоциация», «стереотип», «неконнотативное значение», «полисемия» и др. Данный шаг позволил с достаточной степенью четкости наметить границы как самого понятия «коннотация», так и границы его теоретического осмысления. Важнейшим методологическим выводом здесь становится подробно обосновываемый тезис о том, что в коннотации как продукте разнонаправленных, но взаимокоррелирующих процессов мыслительной деятельности человека как индивида и как члена определенной лингвокультурной общности сводятся в неразрывное целое лингвистическое и экстралингвистическое, причем взаимодействие этих двух сфер постоянно и

циклично. На данном этапе анализа Н.Н. Кислицына обосновывает целесообразность выделения коннотологии в отдельное исследовательское направление на основе недвусмысленного определения границ теоретизируемого объекта.

Третья глава диссертации является в определенной степени центральной, поскольку в ней формулируется суть предлагаемой теории, а также описывается методологический инструментарий лингвистической коннотологии. Теоретически значимым и новым для лингвистического рассмотрения коннотативного значения нам представляется выход в межъязыковое пространство. Как справедливо отмечает автор, «гносеологические качества слова особенно ярко высвечиваются в процессе сопоставления языков» (*стр. 247*), поскольку именно сопоставление векторов семантических трансформаций, закономерностей когнитивного профилирования экстралингвистических феноменов в ходе создания языковых номинаций, механизмов актуализации компонентов семантики единиц языка в пространстве дискурса на пересечении тенденций аналогии и аномалии дает возможность через выявление частных интегрально-дифференциальных черт прийти к пониманию общеязыковых особенностей феномена коннотации.

В этой же главе как теоретически, так и через анализ эмпирического материала обосновывается методологический инструментарий лингвистической коннотологии, представляющий собой, по сути, триединство методов компонентно-семантического, сопоставительного и контент-анализа. Цель последнего видится Н.Н. Кислицыной в конситуативной интерпретации, т.е. в препарировании единиц дискурса «с учетом языковых и неязыковых компонентов ситуативного контекста» (*стр. 238*).

Наконец, в четвертой главе диссертации сущность коннотации освещается в динамике ее разноуровневой реализации. Отдельно отметим факт ввода в научный обиход целого ряда терминов, создание которых обусловлено принципиально новым ракурсом рассмотрения феномена коннотации. Один из таких терминов – дискурсивная контекстуализация, призванный ярче

высветить динамику реализации коннотативного значения на пересечении свойств текста «как филологической единицы и конкретной коммуникативной практики (дискурса)» (*стр.* 302).

Переходя к научной дискуссии с соискателем, отметим, что рецензируемая диссертация не вызывает каких-либо значимых концептуальных возражений. Наши полемические комментарии скорее призваны конкретизировать некоторые положения выдвигаемой концепции.

1. На *стр.* 108 диссертант недвусмысленно принимает положение о том, что язык представляет собой код (впоследствии данный тезис будет не раз повторяться на протяжении работы). Учитывая тот факт, что Н.Н. Кислицына четко позиционирует свое исследование как выполняемое в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, принятой в современной науке о языке, просим соискателя в ходе публичной защиты прояснить, как трактовка ей языка как кодирующей системы согласуется с многочисленными трудами представителей когнитивной лингвистики второго поколения, в которых последовательно доказывается прямо противоположная точка зрения (см., в частности, труды А.В. Кравченко, Т.Л. Верхотуровой, Й. Златева [очень показательна в этом отношении работа: *Zlatev J. Situated Embodied Semantics and Connectionist Modeling // Cognitive Semantics: Meaning and Cognition / Ed. by J. Allwood & P. Gärdenfors. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., 1999. P. 173-194*] и многих других).
2. Следующий дискуссионный комментарий касается схемы семантической структуры слова, приводимой на *стр.* 128. В ядре этой схемы располагаются два макрокомпонента семантической структуры – грамматический и предметно-логический, – между которыми на схеме проводится демаркационная линия. Целесообразность такого жесткого разграничения нуждается в серьезной аргументации, которой мы в соответствующем разделе не находим, равно как обоснования того, почему диссертант

предпочитает выделять в каждом макрокомпоненте именно денотативный и сигнификативный компоненты.

3. В рецензируемой работе неоднократно имплицитно или эксплицитно постулируется взаимосвязь коннотации и смысла в его лингвистическом понимании (ср., например, следующую мысль, высказываемую на *стр.* 203: «... смыслы, маркированные в структурах языковых единиц одного языка, не выделяются аналогичным способом в тождественных языковых единицах другого языка, что влечет за собой несовпадение коннотации слов-эквивалентов в разных языках»). На наш взгляд, концепция диссертанта существенно выиграла бы, если бы в ней было более четко прописано авторское видение корреляций коннотации и смысла. В каких случаях эти феномены тождественны, а в каких между ними наблюдаются определенные сущностные расхождения, и чем эти расхождения могут быть обусловлены? Вероятно, именно несовпадение коннотации и смысла дает основания вычленять у лексических единиц коннотативное *значение*, которое получает (или получает, но не всегда?) лексикографическую фиксацию. В этом контексте важно понимать, вырастает ли коннотативное значение из коллективной культурно-исторической памяти лингвосоциума, в которую можно проникнуть, проанализировав соответствующие этимологические и исторические материалы, а коннотативный смысл – из культурно-исторической памяти и личного опыта конкретного индивида, которые вряд ли поддаются осмыслению за рамками коммуникации с этим индивидом. Или корреляция коннотативного смысла и коннотативного значения лежит не в плоскости «коллективное vs. индивидуальное», а, к примеру, в плоскости «единицы лексико-морфологического уровня vs. единицы более высоких уровней»? Последнее соображение косвенно подтверждается мыслями самой Н.Н. Кислицыной, которые она высказывает в четвертой главе (см., например, тезис о том, что на дискурсивном уровне анализа коннотации «значение языковой единицы

следует рассматривать как принципиально динамическую сущность» – *стр. 301*).

4. В третьей главе Н.Н. Кислицына совершенно справедливо увязывает коннотацию с идеологией, подчеркивая, что идеологема коннотативна. Полностью поддерживая данную мысль, предлагаем диссертанту более углубленно порассуждать на эту тему, ставя следующие вопросы. Как коррелируют коннотативное значение (или смысл?) и процессы *трансформации* идеологического содержания языкового / речевого выражения? Данные процессы могло бы, на наш взгляд, прекрасно проиллюстрировать атрибутивное словосочетание «большая стройка», приводимое в качестве примера на *стр. 239* диссертации и репрезентирующее идеологему еще советского периода. Коннотативное содержание данного словосочетания трансформировалось с сугубо положительного в советское время до в значительной степени отрицательного в постсоветский период в связи с обнародованием ранее закрытой информации о том, кто и по каким причинам трудился на данных стройках. Принимая же во внимание контекст рассматриваемого соискателем примера, следует ли говорить о том, что коннотативное значение словосочетания «большая стройка» вновь обретает знак «+»? Еще одним примером, который в данной связи можно было бы рассмотреть более подробно, является атрибутивное словосочетание «железный занавес», изначально калькированное из английского языка (см. *стр. 273 диссертации*). Первичное содержание, которое вкладывал в это словосочетание его создатель У. Черчилль в своей «Iron Curtain Speech» 1946 года, репрезентируется семой «прочность / непроницаемость», коннотативную нагрузку которой можно оценить как положительную. Впоследствии коннотативное значение / смысл этого словосочетания, как всем прекрасно известно, приобрело знак «-». Какие факторы могут обеспечивать подобную динамику коннотативного значения / смысла?

Какие варианты трансформации коннотации в целом возможны при *деконструкции* идеологемы в общественном сознании?

5. Ряд полемических соображений касается частных положений, выдвигаемых Н.Н. Кислицыной на протяжении диссертационной работы:
- a. не совсем понятно, почему, анализируя медиаполитический дискурс, диссертант при определении феномена коннотации попросту принимает точку зрения В. Н. Телии, не формулируя и не доказывая собственную трактовку данного явления (*стр. 60*);
 - b. представляется, что шкала оценки фигуры политика обществом несколько сложнее, чем показывает автор (см. *стр. 61 и след.*): как свидетельствуют предпоследние президентские выборы в США, события, имевшие место в этом же государстве после победы в 2020 году Д. Байдена, равно как и результаты парламентских выборов последних лет в некоторых странах Западной Европы, такие качества политика, как популизм и радикализм далеко не всегда оцениваются обществом и конкретными избирателями однозначно отрицательно;
 - c. анализируя представления о коннотации, бытующие в рамках лингвокультурологии, диссертант в разделе 1.3.2 приводит целый ряд определений данного феномена, маркированных, на наш взгляд, чрезмерной метафоричностью («отражение культурных артефактов в языке человека», «экспонент культуры» и т. д.). Перечень такого рода определений, откровенно говоря, мало проясняющих суть вопроса, можно было бы продолжить, и отрадно, что автор не стремится напрямую солидаризироваться с этими трактовками. Вместе с тем, хотелось бы, чтобы Н.Н. Кислицына более четко обозначила свое отношение к метафорическим культуроцентрическим определениям коннотации;
 - d. соображения, касающиеся коннотативной нагрузки русского прилагательного «амбициозный» (на *стр. 220* постулируется, что данная ЛЕ обладает только лишь отрицательной коннотацией)

представляются не совсем точными в контексте быстрой трансформации коннотативной семантики этой адъективной ЛЕ, происходящей в настоящее время (ср., например, в русском языке: «амбициозные планы», «амбициозные цели», «амбициозный проект» и пр.);

- e. в контексте очень интересного обсуждения коннотативного значения (смысла?) словосочетания «офисный планктон» и его англоязычной кальки на *стр. 322 и след.* хотелось бы выяснить, удалось ли автору установить какие-либо общие закономерности того, насколько часто сохраняется коннотативное значение исходной ЛЕ при калькировании в ПЯ, и какие факторы могут этому способствовать или препятствовать;
- f. есть определенные сомнения в лингвистической и математической корректности построения формулы определения коэффициента коннотативной координированности оригинального и переводного текстов (см. *стр. 245*), поскольку 1) параметр N – количество несовпадающих случаев коннотации денотативно тождественных языковых единиц – на самом деле неоднороден (как быть со случаями *частичного* совпадения коннотаций ЛЕ в ИЯ и ПЯ?), 2) n-индекс – показатель общего количества единиц – в формуле присутствует, но в расчетах реально не используется, хотя, безусловно, должен для более корректной оценки вычисляемого коэффициента;
- g. крайне сомнительно, что упоминаемый на *стр. 98* работы глагол «долбать» в неконнотативном употреблении является строительным термином; есть ли на этот счет какие-либо подтверждения в лексикографических источниках?

Приведенные выше вопросы для обсуждения и полемические комментарии не умаляют значимость проведенного Н.Н. Кислицыной исследования, а призваны побудить диссертанта к научной дискуссии и, возможно, более четко и рельефно представить некоторые положения разработанной ей теории. Представленная в работе концепция лингвистической коннотологии характеризуется оригинальностью,

стройностью аргументации, тщательностью проработки, высокой научной новизной и, безусловно, вносит существенный вклад в теорию языка, являя собой решение крупной научной проблемы, коей является выработка интегративной теории, объясняющей природу коннотативного значения, закономерности его формирования и актуализации.

Избранная методологическая база исследования соответствует его целям и задачам. В ходе работы с использованием апробированных в лингвистике методов и методик получены ценные теоретические и практические результаты, поддающиеся верификации.

В тексте диссертации полностью раскрыты и обоснованы положения, выносимые на защиту, выдвигаемые тезисы иллюстрируются достаточным количеством примеров. Автореферат и многочисленные публикации в научных изданиях (в том числе – в научных журналах по Перечню ВАК) адекватно отражают основные положения работы. Перечень публикаций диссертанта свидетельствует о том, что исследование прошло необходимую апробацию, а его промежуточные и конечные результаты доведены до сведения научной общественности.

Диссертация Н.Н. Кислицыной соответствует паспорту научной специальности 10.02.19 – теория языка.

Анализ рецензируемого научного труда позволяет утверждать, что он полностью соответствует всем требованиям и нормативам, установленным «Положением о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 с изменениями постановления Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2016 года № 335), в части актуальности, научной новизны, верифицируемости гипотезы, теоретической значимости и практической ценности, полноты апробации теоретических и эмпирических результатов. Автор рецензируемой диссертации, Кислицына Наталья Николаевна, заслуживает присуждения ей ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

